

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.533`42:2-186-264

ББК 81.2=667-5:71.06

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-29-38

ОБРАЗ СМЕРТИ В ТЕКСТАХ КЕТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

О.А. Лузик¹, О.А. Александров²

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления

²Томский государственный университет

Аннотация. Реконструируется фрагмент языковой картины мира кетов – миноритарного этноса, чей язык переживает период активного сдвига. Категория смерти рассматривается на материале лексики и посредством дискурсивного анализа, что позволяет выявить особенности языковой репрезентации представлений о данной категории и выделить когнитивно-образные модели, упорядочивающие эти представления. Метафоризация и описание визуальных признаков определяются в качестве ключевых механизмов оязыковления феномена смерти, а выраженные в дискурсе значения обнаруживают амбивалентный и антиномический характер.

Ключевые слова: *кетский язык, языковая картина мира, образ смерти, дискурс, метафора.*

Введение

В лингвистике, в которой сейчас отмечается усиление таких трендов, как человекоцентричность, функционализм, междисциплинарность, уже состоялся факт этаблирования идеи о том, что языки и их разновидности не просто различаются способами номинации объектов действительного мира, а разнятся в способах его освоения – перевода объективно существующих фактов на уровень субъективно полагаемых и чувственно осмысляемых. Таким образом, язык на разных уровнях системы – лексико-семантической, морфологической, дискурсивной, представляет собой результат абсорбирования представлений человека о действительности. Группоспецифичные комплексы таких представлений, закреплённые в том или ином языковом варианте, принято называть этнической (национальной) языковой картиной мира (см. об этом подробнее [Середкина, 2014]), исследования которых получили в последнее время широкое распространение (см., например, [Бадмаев, 2020; Исаченко 2019; Сулейманова, 2019; Исабекова, 2017] и др.). При этом из выделяемых уровней языковой системы именно лексика рассматривается как наиболее емкий ресурс, позволяющий специалистам достаточно полно реконструировать языковые картины мира: «... именно лек-

сический состав языка... позволяет заглянуть в процессы этноспецифической номинации, отражающие пути и методы освоения мира данным языковым коллективом, вскрыть присущие ему способы “перевода мира в собственность духа” (В. фон Гумбольдт), “языкового освоения и преобразования мира” (*sprachliche Anverwanlung der Welt*) (Й.Л. Вайсгербер)» [Радченко, Закутина, 2004, с. 27].

В этой связи *актуальность* приобретают исследования, в которых не только устанавливается связь слова и мыслительного содержания, но и выкристаллизовываются черты носителя языка как представителя определённого типа культуры, обладателя группоспецифического характера и мировоззрения. С этой перспективы взгляда на язык, определяемой, как правило, в качестве культурологической, особый интерес вызывают этнические картины мира не элитарно-мажоритарного, а маргинально-миноритарного уровня. Последние, как правило, более подвержены нивелированию под воздействием соседствующих крупных лингвокультур, но именно они, отличаясь естественностью, традиционностью, исконностью, повседневностью позволяют обнаружить первичные когнитивные особенности оязыкования мира, более контрастно демонстрируют инвариантные и вариативные элементы в общечеловеческой системе, связывающих язык и интерпретируемую действительность в единое целое.

Далее *впервые* рассматриваются образные представления о смерти и особенности языкового оформления данных представлений в лингвокультуре одного из малых этносов РФ, носящего этноним *кеты*. До этой категория смерти, отражённая в кетском языке, затрагивалась преимущественно на этнографическом материале [Алексеевко, 2014; Поленова, 2015].

Для реализации поставленной цели на материале кетских словарей, фольклорных и бытовых текстов анализируются лексические единицы семантического поля «смерть». Семантический анализ данных единиц, учёт их типичного контекстуального окружения и этнографического фона выводят соотносительность исследуемого языка с элементами материальной и духовной жизни кетов и позволяют в конечном итоге реконструировать целевой фрагмент рассматриваемой этнической языковой картины мира.

Исследование и его результаты

Кетская культура обнаруживает противоречивое отношение к смерти. С одной стороны, смерть здесь, как и в большинстве известных культур, признается событием неизбежным и естественным: *ketdan̄ta qūs' d̄l'q̄ i q̄r'k̄ q̄r'an̄* – «У человека одна жизнь и одна смерть» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 303], *de'ŋ bilda q̄raŋs'an, kir'ε d̄l'q̄ q̄r'an̄ans'* – «Люди все смертны, это жизнь бессмертна» [Там же, p. 304], *q̄r'an̄diŋal' ke't̄ b̄n̄j dejtakot* – «От смерти человек не убежит» [Там же, p. 303], *in d̄l'q̄ ke't̄ b̄n̄' duyaraq* – «Две жизни человек не живет» [Там же, p. 159]. Жизнь при этом воспринимается как отведенный каждому человеку определенный отрезок времени, логическим завершением которого является смерть:

as'es' āt enam, as'ka āt anəks' diyʷɔɔ baŋɔl' – «Да какая я невеста [сноха], меня завтра ждет могила» [Николаева, 1998, с. 90]. Более того, смерть предопределена, и человек должен умереть по достижении определенного (высокого) возраста: *āt dəl'dəq binda, his'turɛ qər'aŋavet qām* – «Я прожила свое, все равно умирать пора [скоро]» [Николаева, 1998, с. 111], *s'īn bāāt qər'aŋ dīnətɔs'* – «Старый старик умирать собрался» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 303].

Предположительно такое реалистичное принятие факта смерти связано с верой кетов в отсутствие полного разрыва между миром живых и миром мертвых. Кеты полагали, что смерть – это не окончательное исчезновение человека, а всего лишь смена формы существования: после физической смерти человек будет продолжать жить в другом мире. Реконструируя представления кетов о жизненном цикле человека, Е.А. Алексеенко пишет о времени бытия, в котором у человека есть прошлое, настоящее и будущее, а также будущее в инобытие – после смерти. Период инобытия включает в себя полное повторения срока бытия, а также свое собственное прошлое, настоящее и будущее [Алексеенко, 2007, с. 45 – 46]. То есть инобытие мыслилось как прямое продление бытия. Более того, после смерти у умершего есть возможность продолжать контактировать со своими живыми родственниками. Так, например, он может семь раз посетить их как гость в образе медведя [Там же, с. 46]. Таким образом, смерть – это не безвозвратная потеря, а расставание до встречи в этом или ином мире.

Косвенно о довольно спокойном восприятии кетами события смерти может свидетельствовать отсутствие в корпусе изученных текстов сочетаний кетских лексем со значениями «смерть» и «умирать» с оценочными прилагательными (общеоценочными либо содержащими оценочную сему) (ср. например, в рус. «хорошая смерть», «дурная смерть», «ужасная смерть», «умереть спокойно» и т.д.). Своего рода инфантилизм или безразличие в отношении смерти отмечал автор трудов по антропологии и этнографии кетов В.И. Анучин. Согласно его наблюдениям, кеты не испытывали чувства страха перед покойниками (у кетов нет рассказов о страшных покойниках), были равнодушны к могилам предков и воспоминаниям о них [Анучин, 1914, с. 13].

С другой стороны, признавая смерть, кеты все же рассматривали ее как нежелательное событие, наступившее в результате вмешательства агрессивной силы извне. Представление о смерти как об активном начале, способном самостоятельно действовать, получило свое выражение в утративших образность языковых метафорах: *āb qədaŋ da-ikšibɛš* – «Моя смерть придет» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 303], *s'īn ba.mdiŋa qər'aŋ ar'en'ga ra-i.mbes* – «К старой бабушке смерть в лесу пришла» [Там же, p. 303], *bis'baŋ qar'ɛ ajtɛj iʔ, as'ka qər'eŋ āt datɔl'daq, abi ar'eŋ qoʔ datitl'aq* – «Вечерней порой в тот плохой день, когда смерть за мной гналась, за моими костями гналась» [Вернер, 1999, с. 248].

Лексема *qodaŋ* – «смерть» относится в кетском языке к одушевленному существительным женского класса. Вероятно, это является причи-

ной того, что персонифицированный образ смерти в кетской культуре получает феминные черты. Неестественную смерть человека кеты всегда связывали с людоедством *Hosedam* – хозяйки мира мертвых, «злого начала холода, мрака, болезней, моров и всего другого вредного для живущих на земле» [Анучин, 1914, с. 4]. Е.А. Алексеенко отмечает, что мотив людоедства Хоседам присутствует (или предполагается) практически во всех сюжетах, в которых речь идет о смерти [Алексеенко, 2007, с. 3]. В.И. Анучин приводит некоторые данные, касающиеся внешности Хоседам на основе рассказов кетов о ней: растрепанные волосы, гноящиеся глаза, вместо ногтей рысьи когти, след от ее ног всегда разный, но всегда он походит на следы хищного зверя. Живет Хоседам в ледяном чуме, питается человеческими душами и тухлой рыбой, когда нет первых [Анучин, 1914, с. 5]. Смерть человека происходит от того, что его душа попадает в руки к Хоседам: *uk op bis'ep ol'bet, bu haj qins dol'doq, kal'bang'a dlyit dajak* – «Твой отец с братом жил, его тоже Хоседам съела, на поле боя его юрак убил» [Дульзон, 1972, с. 97].

Персонификация смерти – один из способов преодоления страха смерти в традиционных культурах, своего рода «психологическая защита» от смерти. Материализуя смерть, наделяя ее телом и человеческими качествами, человек создает образ конкретного врага, с которым можно бороться и в будущем даже победить его: *dyu hɔsʒedamd ej keʔt dilaq askat* – «Сказка о том, как Дог ходил убивать Хоседам» [Дульзон, 1972, с. 92]. Идея победы или хотя бы контроля над смертью типична для всех традиционных обществ, она также, впрочем, пронизывает и современную культуру (стремление управлять смертью, продление жизни, поиск бессмертия). В кетском фольклоре в противостояние с Хоседам помимо шамана Дога вступает богатырь Альба: он то пугает ее до полусмерти, от чего проглоченные ею души выходят из нее вместе с испражнениями, то подвешивает ее на дерево головой вниз, в результате хозяйку мира мертвых тошнит, души высвобождаются и возвращаются на землю [Анучин, 1914, с. 11].

Таким образом, вера в несовпадение физической смерти с концом существования, в возможность общения с потусторонним миром призрала кетов с мыслью об индивидуальной смерти, она принималась как неизбежное жизненное событие. Вместе с тем внезапная, преждевременная, случайная по характеру смерть рассматривалась как явление негативное. Это обуславливает те сюжеты в кетском фольклоре, в которых отражено стремление обуздать смерть.

Описание события смерти средствами кетского языка осуществляется преимущественно при помощи двух синонимичных глаголов со значением «умирать»: *bu du:nɔ kitej keʔt* – «Он умер в расцвете лет [молодым человеком]» [Которова, 2001, с. 81]; *ap ɔbaŋ inam (t)qɔdaŋulibinin* – «Мои родители давно умерли» [Там же, с. 94].

Образно ситуация смерти может передаваться путем описания сопровождающих ее физических признаков, основным из которых является

ся прекращение дыхания: *kedda il' kəmnatij* – «Человек умер [букв. человека дыхание кончилось]» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 206].

Кеты были убеждены, что вместе с дыханием из человека уходит душа – то, что отличает живого человека от мертвого, именно в ней заключается жизненная сила и энергия. Смерть наступает тогда, когда душа навсегда покидает тело, и дыхание прекращается: *dūnə ker'a kəntəl' keddaŋal' kama bar' uɣətn* – «Умершего человека душа из человека уходит» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 241], *atpəda uɣənen keddaŋal, keʔt dūnə* – «Душа ушла из человека, человек умер» [Там же, p. 103], *boŋ-ker'a atpət esdiŋa təs'a (t)kəjgəq* – «Душа покойника на небо улетела» [Там же, p. 103].

С уходом души из тела кеты также связывали состояние сна. Во время сна душа странствует по миру, по всем его уровням (ср. *agbaŋ* – 1. потусторонний мир, тот свет; 2. сон [Werner, 2002, p. 402]), однако затем возвращается обратно. На этом основании смерть может уподобляться вечному сну: *qəŋəks' da qim dɬhuletes', dɬbəyina, tət qaŋ dɬsitejaqəl'da. Desl hiš' beʔk us'unen, qajgus daŋat qətejuł'a l'ɛ:n'eska* – «Утром его жена встала, огонь развела, мужа будила, будила. Но Дисл навек уснул, Кайгусь его к себе в невидимый мир притянул» [Дульзон, 1972, с. 26].

Кроме того, оба состояния сопровождают схожие физические признаки: неподвижность тела человека, неспособность перемещаться и совершать самостоятельные действия. Спящий человек подобен умершему, так как он недвижим, находится в лежачем положении, у него закрыты глаза, он не воспринимает, что происходит вокруг: *at tɔləkət aqta qəda qədaŋ keʔt* – «Я спал хорошо, как убитый» [букв. как мертвый человек] [Дульзон, 1972, с. 76]. Умершие в свою очередь сравниваются со спящими, которые могут воскреснуть, т.е. пробудиться ото сна: *ap keʔt us'ka dimbis' qə aliŋ daskans' bəŋaŋ təs'a s'it'iqəŋat* – «Товарищ домой приходит и очень громко разговаривает, что можно поднять [разбудить] мертвецов» [Дульзон, 1972, с. 76]. В сказке «Рассказ про Бильгета» перед тем как зайти в чум и убить всех юраков, главный герой сообщает: *at bara s'it'es' dus'enqəŋit* – «Я, – говорю, – сейчас всех навсегда усыплю» [Дульзон, 1972, с. 22].

Метафора «сон – “слабая смерть” / смерть – “вечный сон”» особенно ярко представлена в сказке «Кольгут (глиняные чашки)», где старик со старухой пытаются оживить своих мертвых детей: «Кольгуты, если настоящей смертью мертвые, то пусть этот котел перевернется по направлению к западу, если же они слабой смертью мертвые, то пусть он перевернется на сторону утренней зари! Они качают. Котел чуть было к западу не свернулся – старик подпер его палкой. Котел перевернулся в восточную сторону. Эти кольгуты ожили и родителям говорят: “Холодно, мы крепко спали, кто нас разбудил?”» [Дульзон, 1966, с. 89].

Как временная смерть воспринималось также и обморочное состояние (ср. *qərber'ij* – «падать в обморок», *qər'eŋ* – «смерть»). В сказке «Кольгут» упавшие в обморок жены оживших кольгутов описывают-

ся в сказке также как «слабой смертью мертвые люди» [Дульзон, 1966, с. 89].

Другим физическим признаком, выделяемым кетским традиционным сознанием, является неподвижное вытянутое горизонтальное положение, которое принимает тело во время смерти. Это явилось основанием для описания ситуации/события смерти вследствие недоедания при помощи глагола со значением «(вы)тянуться» (ср. рус. *протянуть ноги*): *ar'enn'a ab ilijis' kəmnatij, qəvət aī qaĭ da-tāŋajbəl'a* – «В лесу мои припасы кончились, я от голода чуть не умерла [чуть не вытянулась]» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 471], *qəvət diŋal' ugda qaīm da-tāŋajbəks'a* – «От голода я скоро умру [меня вытянет]» [Там же, p. 471].

Смерть может быть описана как «втягивание живота»: *qajgusj-báàm hij to'n tāŋajges'* – «Бабушка Кайгусь так последний дух выпустила» [букв. живот так втянула] [Дульзон, 1972, с. 31], *hij tāŋajges'* – «Это умерло» [букв. втянуло живот] [Werner, 2002, p. 238]. Образ данного фразеологического словосочетания, предположительно, строится на том, что после остановки дыхания легкие освобождаются от воздуха, грудная клетка опадает, живот втягивается.

С невозможностью ходить, падением, вероятно, связано описание смерти словосочетанием с буквальным значением «землю пнуть»: *tuīr' kə't ba'ŋ tkaskul'tet* – «Этот человек умер [землю пнул]» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 553]. Данный фразеологизм мотивирован метафорой, в которой физическая устойчивость человека в пространстве уподобляется его живучести, а неустойчивость – нежизнеспособности.

Одной из важнейших метафор, описывающих тему смерти, является разновидность пространственной метафоры. Жизнь метафорически представляется дорогой, тропой, по которой человек движется в процессе проживания жизни: *kenar'aŋ e:s' qota a:s'n oŋotsen* «Потомки (букв. «вперед идущие»)» [Дульзон, 1972, с. 48]; *enĭ bil'da abi ugde dl'q haĭ bil'da abi ugdeŋ qin'eŋ de'ŋ aś' dasanuks'iŋan* – «Теперь вся долгая жизнь моя и все мои длинные дороги будут люди обсуждать [говорить]» [Вернер, с. 258]; *nade'ŋ enĭ tsjitnbayin bik deŋna qə't, bik deŋna dl'q* – «Наши люди теперь узнали путь и жизнь других людей» [Вернер, 1999, с. 215]. Конечной точкой этого перемещения выступает при этом пространство смерти: *qər'aŋdiŋa kulta qusam* – «К смерти одна дорога» [Kotorova, Nefedov, 2015, p. 303].

Понимание смерти как перемещения, ухода реализуется при помощи глагола со значением «уходить». Человек уходит из мира живых в иной мир / к предкам: *buĭj bin'eŋen', qayən eŋen', bən' ts'il'axin, des'əl'əvin, akbaŋdiŋ bil'de dimbes'in* – «Не потревожив никого, ушли безмолвно навсегда, та сторона их приняла (досл. они сами ушли, молча ушли, не просили, не кричали, в иной мир пришли)» [Вернер, 1999, с. 28]; *dai:mbes' ba:tda sa's, as'ka qəreŋayəvən, ləqaj deŋnaŋ qaĭ' əvətŋ* – «Пришёл старика час, когда стал умирать, к предкам [древним людям] чтоб уйти» [Там же, с. 228].

Заключение

Таким образом, анализ фактов языковой репрезентации представлений о смерти в кетской лингвокультуре позволяет сделать вывод о том, что распространённым способом номинации феноменов смерти является метафоризация. Так, в кетском языке обнаруживаются метафоры «вечного сна», «ухода в мир иной» и т.п. Наряду с тропами кетский дискурс смерти содержит и непосредственные описания объективных, т.е. видимых, наблюдаемых, проявлений обсуждаемой категории – прекращение дыхания, неспособность двигаться и т.д.

Содержательный план языковой картины мира характеризуется амбивалентностью и антиномичностью. С одной стороны, анализ кетского дискурса смерти свидетельствует о том, что вера в бессмертие души и потусторонний мир призвана нивелировать свойственный представителю любой культуры страх смерти. С другой стороны, олицетворение смерти и фольклорные сюжеты, выражающие возможность борьбы и победы над ней, указывают на то, что смерть понимается как явление нежелательное, пугающее, дискредитирующее, в конечном итоге противостоящее благополучному ходу жизненных событий человека.

Литература

Алексеевко Е.А. (2007). Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти: структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / ответ. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука. с. 30–50.

Анучин В.И. (1914). Очерк шаманства у енисейских остяков // Сб. Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. 2, вып. 2. СПб.: Тип. Императ. АН. 90 с.

Бадмаев А.А. (2020). Энтимологические образы в мировоззрении бурят // Вестн. Новосибирского гос. ун-та, Т. 19, № 3, с. 110–118. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118 (Журнал в Scopus)

Вернер Г.К. (1999). Песнь о моем брате = Аб бисебдан, и'ль: эпическая поэма: книга для чтения в ст. кл. кетских школ. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та. 264 с.

Дульзон А.П. (1966). Кетские сказки. Томск: Изд-во ТГУ. 162 с.

Дульзон А.П. (1972). Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 1. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. 202 с.

Исабекова У.К. (2017). Концепт «gut» в историческом ракурсе // Язык и культура. № 37. С. 48–59. DOI: 10.17223/19996195/37/4 (Журнал в Web of Science)

Исаченко О.М. (2019). Птица как пример, образ и символ // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Т. 18, № 2. С. 72–85. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-2-72-8 (Журнал в Scopus)

Кленина Е.А., Песков А.Е. (2015). Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры // Вестн. Астраханского гос. техн. ун-та. № 1 (59). С. 73–77.

Которова Е. Г. (2001). Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та. 124 с.

Кривоногов В.П. (2016). Этнические процессы у кетов в начале XXI в. (опыт интервальных исследований) // Вестн. Томского гос. ун-та. № 6 (44). С. 152–162. DOI: 10.17223/19988613/44/21

Николаева Г. Х. (1998). Кетские сказки. СПб.: Просвещение. 160 с.

Поленова Г.Т. (2015). О чём может рассказать кетская сказка // Вестн. Воронежского гос. ун-та. № 3. С. 52–55.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. (2004). Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. № 6. С. 25–48. (Журнал в Scopus)

Середкина Н.Н. (2014). Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований // Социодинамика. № 10. С. 26–59. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.10.1344.

Сулейманова Р.А. (2019). Выражение культуры через фразеологические единицы (на примере башкирского языка) // Язык и культура. № 48. С. 196–215. DOI: 10.17223/19996195/48/13 (Журнал в Web of Science)

Kotorova E. G., Nefedov A.V. (2015). Comprehensive dictionary of Ket. Munich: Lincom Europa. Vol. 1, 434 p.

Werner H. (2002). Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. In 3 Bd. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

References

Alekseenko E.A. (2007). Life and death in the ideas of the peoples of the Yenisei basin. *Mythology of death: Structure, function and semantics of the funeral rite of the peoples of Siberia: Ethnographic essays*. Edit. L.R. Pavlinskaya. SPb.: Nauka, pp. 30-50. (In Russian).

Anuchin V.I. (1914). Essay on shamanism among the Yenisei Ostyaks. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 2, Iss. 2. SPb. 90 p. (In Russian).

Badmaev A.A. (2020). Entomological images in the worldview of the Buryats. *Bulletin of the Novosibirsk State University*, vol. 19, no. 3, pp. 110-118. DOI: 10.25205 / 1818-7919-2020-19-3-110-118 (Journal in Scopus) (In Russian).

Dulzon A.P. (1966). *Ket tales*. Tomsk: TSU Publishing House. 162 p. (In Russian).

Dulzon A.P. (1972). *Tales of the peoples of the Siberian North*. Issue 1. Tomsk: TSU Publishing House. 202 p. (In Russian).

Isabekova U.K. (2017). The concept of “gut” in a historical perspective. *Language and culture*, no. 37, pp. 48-59. DOI: 10.17223 / 19996195/37/4 (Journal in Web of Science) (In Russian).

Isachenko O.M. (2019). Bird as an example, image and symbol. *Bulletin of Novosibirsk State University*, vol. 18, no. 2. pp. 72-85. DOI: 10.25205 / 1818-7919-2019-18-2-72-8 (Journal in Scopus) (In Russian).

Klenina E.A., Peskov A.E. (2015). Attitude towards death as a condition for the formation of various types of culture. *Bulletin of Astrakhan state technical university*, no 1 (59). pp. 73-77.

Kotorova E.G. (2001) *Ket folklore and everyday texts*. Tomsk: TSU Publishing House. 124 p. (In Russian).

Kotorova E. G., Nefedov A.V. (2015). Comprehensive dictionary of Ket. Munich: Lincom Europa. Vol. 1. 434 pp.

Krivanogov V.P. (2016). Ethnic processes among the Kets at the beginning of the XXI century. (experience of interval studies). *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 6 (44). pp. 152-162. DOI: 10.17223 / 19988613/44/21 (In Russian).

Nikolaeva G. Kh. (1998). Ket tales. SPb.: Prosveshchenie =["Education"]. 160 p. (In Russian).

Polenova G.T. (2015). What the Ket tale can tell. *Bulletin of the Voronezh State University*, no. 3. pp. 52–55. (In Russian).

Radchenko O.A., Zakutkina N.A. (2004). Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon. *Problems of linguistics*, no. 6. p. 25-48. (Journal in Scopus) (In Russian).

Seredkina N.N. (2014). Ethnic picture of the world in the context of modern social research. *Sociodynamics*, no. 10, p. 26-59. DOI: 10.7256 / 2306-0158.2014.10.1344. (In Russian).

Suleimanova R.A. (2019). Expression of culture through phraseological units (on the example of the Bashkir language). *Language and culture*, no. 48. pp. 196-215. DOI: 10.17223 / 19996195/48/13 (Journal in Web of Science) (In Russian).

Werner G.K. (1999). *Song of my brother = Ab bisebdan, il: an epic poem: a book to be read in senior classes of Ket schools*. Krasnoyarsk: Publishing house Krasnoyarsk. 264 p. (In Russian).

Werner H. (2002). Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. In 3 Bd. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

Olga A. Luzik (Novosibirsk, Russian Federation),

Oleg A. Alexandrov (Tomsk, Russian Federation)

The Image of Death in the Texts of the Ket Linguoculture

A fragment of the linguistic view of the world of the Kets, a minority ethnos, whose language is going through a period of shift, is reconstructed. The category of mortality is implicated on the basis of vocabulary united by the meanings “death”, “to die”. Through the analysis of contexts, including this vocabulary, the peculiarities of the linguistic representation of ideas about the category of death are revealed and cognitive-figurative models that order these representations are identified.

As a result of the study, it is found that metaphorization and description of visual signs in the Ket language act as key mechanisms for the linguization of the phenomenon of death, and the meanings expressed in discourse reveal an ambivalent and antinomic character. Along with such metaphors as “eternal sleep,” “withdrawal into another world,” the Ket discourse of death also contains direct descriptions of objective ones, i.e. visible manifestations of the category under discussion - cessation of breathing, inability to move, etc. An analysis of the Ket discourse of death indicates that the belief in the immortality of the soul and the other world, expressed in it, is intended to neutralize the fear of death. On the other hand, plots are revealed that express the possibility of struggle and victory over death. This indicates that death is understood as an undesirable, frightening phenomenon that opposes the successful course of a person’s life events.

Key words: *Ket language, linguistic view of the world, image of death, discourse, metaphor.*

Сведения об авторах / Information about the authors

Лузик Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия. Тел. 8-923-609-77-35; e-mail: andrejewa188@gmail.com

Александров Олег Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета, г. Томск, Россия. Тел. 8-913-803-79-42; olegaleksandrov79@gmail.com

Olga A. Luzik – Ph. D. of Philology, associate professor of the Department of foreign languages, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. Phone 8-923-609-77-35; e-mail: e-mail: andrejewa188@gmail.com

Oleg A. Alexandrov – Ph. D. of Philology, associate professor of the Department of English Philology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. Phone 8-913-803-79-42; e-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

---

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 28.09.2020, accepted for publication 15.04.2021.*